
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ*

ТАРАСЕВИЧ Виктор Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии Национальной металлургической академии Украины (г. Днепропетровск)

Рубеж веков и тысячелетий стал естественным поводом для осмысления основных достижений фундаментальной экономической науки в XX столетии и приоритетных направлений её развития в столетии XXI. Как и в любой дискуссии профессионалов мнения высказываются разные. К примеру, «неортодоксальная точка зрения» У. Баумоля «состоит в том, что наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем»¹. А. Нестеренко небезосновательно считает, что изучение вклада XX века в науку «должно опираться на анализ того, как изменились базовые понятия и идеи, на которых основывается философское, глубинное понимание экономической деятельности человека»². Однако, как представляется, «белым пятном» дискуссии пока остаётся *общенаучный и универсальный контекст* эволюции фундаментальной экономической науки (ФЭН) и связанные именно с этим перемены в её постулатах. В настоящей главе предпринята попытка отчасти восполнить указанный пробел.

Парадигмы научного мышления

Историками науки представлена захватывающая многоплановая картина эволюции научного мышления человека от незапамятных времён до наших дней. Но для большинства учёных-экономистов до недавнего времени

и по большей части неосознанно ключевое значение имело выделение двух основных этапов указанной эволюции, для которых характерно преобладание соответственно классической и неклассической парадигм научного мышления.

Классическая наука – ровесница нового времени. Она в полной мере отразила противоречивое положение человека – стремление к максимальной эмансипации от природы вплоть до жёсткого противостояния ей, но на основе природных стандартов. Как правило, не принимается во внимание тот очевидный факт, что антиестественный индустриальный монстр всякий раз превращался в груды ржавеющего металла, как только разрывал связующие нити с питающей его энергией естественной природой. Главные объекты классической науки – природа и общество как природа в качестве простых и устойчивых систем. Поэтому не случайно доминирование естественных наук, которым неизбежно должны подражать иные науки. Гносеологически во многом именно этим определяются редукционизм и монизм, объективизм и бессубъектность, линейность и детерминизм

* В статье использованы материалы, ранее опубликованные в журналах «Вопросы экономики», «Социальная экономика», «Экономическая теория», «Экономика Украины».

¹ См.: Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – №2. – С. 80.

² См.: Нестеренко А. О чём не сказал Уильям Баумоль: Вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. – 2001. – № 7. – С. 5.

классической науки, абсолютизация целерационального мышления и действия как одна из форм её самоутверждения³.

Редукционизм проявляется прежде всего в стремлении представить эволюционно высшие процессы по аналогии с эволюционно низшими⁴, свести законы жизни человеческого общества к законам природы, человеческую жизнь – к функциям выживания, а человеческую личность – к одностороннему экономическому человеку. Теперь уже очевидно, что небезосновательно столь почитаемый несколькими поколениями экономистов *монизм*, как практика выведения сложной научной системы из единой простейшей «клетки», аксиологически укоренён в монотеизме и является одной из форм редукционистского мышления, сплошь и рядом страдающего перспективизмом и односторонностью.

Тесные родственные узы связывают редукционизм с *объективизмом* и *бессубъектностью* классической науки. По справедливому замечанию В. Степина, классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности⁵. Противопоставляя субъект объекту, провозглашая неоспоримое господство человеческого разума, она тем не менее исходит из существования природы и её законов задолго до появления человека и их безальтернативного действия независимо от него не только в аграрную, но и в индустриальную эпоху. По образу и подобию объективных естественных законов классика стремится конструировать и законы общественные. Марксистский тезис о действии последних через и посредством целесообразной деятельности человека мало что меняет по существу, ибо успех может быть достигнут только в результате человеческих действий в унисон законам. Отсюда неизбежно следует жёсткий *детерминизм* и *линейный прогрессизм* классической картины мира.

Обретя подлинно научный статус в новое время, экономическая теория не могла не ассимилировать указанные фундаментальные ценности классической науки. Их нетрудно обнаружить в стоимостной, полезностной и даже в неразвитой социальной парадигмах⁶. Однако, имея дело с человеческой деятельностью, преобразующей естественную природу и создающей альтернативную искусственную природу, она изначально не могла быть ортодоксальной в такой же мере, как, например, классическая механика И. Ньютона. В жёсткие классические рамки явно не вписывались марксистский тезис об изменении самого человека в результате его воздействия на природу, последовательный субъективизм австрийской школы, дуализм теории цены А. Маршалла, бунт исторической школы против объективизма и «космополитичности» классической политической экономии. Учёные – экономисты не без гордости могут считать эти и ряд других разработок своих соратников по цеху предвестниками неклассической парадигмы научного мышления.

Век *неклассической науки*, возникшей из недр релятивистской и квантовой механики, сравнительно недолог – неполное XX столетие. Взвзвись за исследование сложных систем, неустойчивых, неопределённых и стохастических процессов, ей удалось если и не сокрушить, то хотя бы серьёзно поколебать классические устои. Выход на рубежи бесконечной делимости атома поставил под сомнение постулаты редукционизма. Если

³ По мнению М.К. Мамардашвили, классической рациональности имманентна «идея вневещного естественного порядка, бесконечной причинной цели, пронизывающей всё бытие, трансцендентной по отношению к человеку, но рационально постижимой. Это образ мира «как есть», независимого от человека и человечества, живущего своей естественной жизнью...» (См.: *Философия и наука*. – М.: Наука, 1972. – С.38-44).

⁴ См.: Назаретян А.Н. От будущего – к прошлому (Размышление о методе) // *Общественные науки и современность*. – 2000. - № 3. – С. 144.

⁵ См.: Степин В.С. У истоков современной философии науки// *Вопросы философии*. – 2004. – №1. – С. 7.

⁶ См. подробнее: Тарасевич В.М. Еволюція економічної теорії та сучасне парадигмальне зрушення // *Економіка України*.-1996.-№12.-С. 46-55.

первичной ячейки (клеточки) мироздания не существует, микро- и мегамиры подчинены разным законам, а простое оказывается сложнее сложного, то к чему всё сводить, и что суть всеобщее начало?

Вопрос А. Эйнштейна – изменяется ли состояние Вселенной от того, что на неё смотрит мышшь? – положил начало решительному введению человеком самого себя в научную картину мира. Он по-прежнему противостоит природе, но теперь не только отражает, но и осваивает, изменяет познаваемую им реальность⁷. Эти вполне очевидные для учёных-экономистов идеи постепенно принимаются и естествоиспытателями. Под влиянием принципов неопределённости, дополнительности и корпускулярно-волновой теории в целом монистический подход становится менее убедительным, чем, к примеру, дуалистический. Жёстко-детерминистские законы уступают приоритеты статистическим закономерностям, развиваются вероятностные представления об объектах познания, что влечёт за собой резкое повышение роли эмпирических исследований. «Допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания»⁸. Теорема Геделя о неполноте посеяла серьёзные сомнения в обоснованности позитивистского постулата о возможности и достаточности чисто аналитического знания и катализировала развитие интуиционистских, конструктивистских и ценностных подходов⁹. «Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний»¹⁰.

На неклассический вызов экономическая наука отвечает собственной дифференциацией и фрагментацией¹¹, исследованиями проблем выбора оптимального варианта использования ограниченных ресурсов, неполной рациональности, ожиданий, потребительских предпочтений, склонностей, развитием эконометрики и клиометрики, применением инструментария теорий игр и вероятности, нелинейной алгебры и т. п. Разумеется, большинство разработок *main stream* – новая теория стоимости, теория благосостояния, концепции «провалов» рынка и «провалов» государства и др. – уточняли и углубляли статическую модель рынка, представленную общей теорией рыночного равновесия¹². Но даже в этой цитадели ортодоксии целые бастионы были прорваны. В то же время законодателями методологической моды по-прежнему оставались естественные науки, что в известной мере препятствовало их равноправному диалогу с науками гуманитарными.

В последней трети XX века, на изломе эпох и цивилизаций, на грани вершин достижений и пропасти глобальных проблем у человека появился уникальный шанс по-иному взглянуть на себя – не с мнимых высот покорителя природы и создателя альтернативного искусственного монстра, как своего безжизненного продолжения, т.е. с позиций не вневходимости и противопоставленности, а непосредственной включённости в ноосферу и универсум. Это даёт основания ведущим учёным говорить о начале очередной научной революции и рождении *постнеклассической науки*, которая призвана предложить новую базовую модель мира и познания, дать науке «новый язык»¹³, ответить на вызовы

⁷ См.: Чешков М.А. Взгляд на глобализацию через призму глобалистики //МЭМО. – 2001. - № 2. – С. 52.

⁸ См.: Степин В.С. Указ. соч. – С.8.

⁹ См.: Назаретян А.П. Указ. соч. – С. 145.

¹⁰ См.: Степин В.С. Указ. соч. – С. 8.

¹¹ См. подробнее: Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию? //Вопросы экономики. – 2001. - №2. - С. 56-59.

¹² См.: Ольсевич Ю. «Неортодоксальный взгляд» У. Баумоля на достижения экономической науки в XX веке и её задачи //Вопросы экономики. – 2001. - № 11. – С. 21.

¹³ См.: Моисеев Н.Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы //Общественные науки и современность. – 1994. - № 3.- С. 12.

постмодернизма. Разумеется, речь не идёт о полном забвении классических и неклассических постулатов. Видимо, большая часть из них займёт ведомое положение в постнеклассическом научном пространстве и станет специфическим и особым некоего нового общего, подобно тому, как многие постулаты евклидовой геометрии стали частным случаем геометрической системы Н. Лобачевского. Но каковы они – общие основания и феномены постнеклассической науки? Хотя констатировать их окончательное утверждение было бы преждевременно, некоторые тенденции и признаки уже обозначились достаточно определённо.

Постнеклассика избирает своим объектом *сверхсложные человекообразные системы*¹⁴ универсального типа, в которых человеческое и природное суть самоценные и равноценные начала. Человек интегрирован в подобную систему не фрагментарно, как например, homo oeconomicus, а тотально и непрерывно-бесконечно и поэтому реагирует на её изменения не только своим сознательным, но также бес- и подсознательным началами. Следовательно, в постнеклассике «собственно научное знание *необходимо и неразрывно* соединяется со знанием ненаучным и вненаучным»¹⁵, а сама она не претендует на абсолютное лидерство и рассматривает себя как одну из составляющих *постижения*, изъявляя готовность на равных взаимодействовать с его чувственными, медитативными, художественными, народными и другими формами, воспринимая импульсы их интенсивного влияния и известным образом изменяясь. «В этой связи трансформируется идеал ценностно нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера»¹⁶

Снятие былого жёсткого противопоставления естественных и гуманитарных наук открывает новые возможности взаимного применения их методов и понятийных конструкций, развития *междисциплинарного* знания.

Для последнего характерно разграничение и группировка наук не столько по предмету и объекту, сколько по *исследуемым проблемам*¹⁷. Пресловутому перспективизму начинает успешно противостоять *органицизм* и *многоцентренность*¹⁸. Наряду с междисциплинарностью активно прогрессируют мульти- и трансдисциплинарность.

В контексте последних для научного видения реалий – предметного или проблемного – становится характерным не просто взаимодействие отдельных теорий «среднего уровня» (освещающих тот или иной срез реалий), а образование *теоретического пространства*, включающего и достаточно разработанные теории, и отдельные идеи, гипотезы, как зачатки, прообразы новых теорий, и теоретические «белые пятна», само расположение и конфигурация которых очерчивает пути и области возможного поиска¹⁹. Несомненно,

¹⁴ По В. Стёпину, человекообразная система – это «исторически развивающаяся система с включённым в неё человеком» (См.: «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвящённый обсуждению книги В.С. Стёпина «Теоретическое знание» //Вопросы философии. – 2001. - № 1. – С.9.

¹⁵ Чешков М.А. Синергетика: за и против хаоса (заметки о науке эпохи глобальной смуты) //Общественные науки и современность. – 1999. - № 6. – С. 138.

¹⁶ См.: Степин В.С. Указ. соч. – С. 11.

¹⁷ См.: Вернадский В.И. Размышления натуралиста.- М., 1997. Кн. 2. – С.54.

¹⁸ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли. В 2-х т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – С. 28-33.

¹⁹ Здесь так и напрашивается аналогия «морского боя» - широко известной игры, за которой многие из нас в школьные и студенческие годы «коротали» уроки, лекции и семинары.

теоретическое пространство позволяет охватить значительно более мощный пласт действительности и открывает новые возможности плюралистичности, дополнительности и комплексности исследований, интеграции различных методов её интерпретации и объяснения. «В результате усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках. Все чаще изменения этих картин протекают не столько под влиянием внутридисциплинарных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между картинами реальности, определяющими видение предмета той или иной науки. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира»²⁰. Вполне уместным и привычным становится *нелинейное научное мышление* с его императивами неустойчивости, неравновесности, необратимости²¹ и элевационизма.

Элевационный подход (от лат. *elevatio* – возведение), в отличие от редукционизма, предполагает научное движение от эволюционно позднейших к более ранним формам. Полноценное описание природных и общественных состояний должно содержать указание на те их свойства, которые сделали возможными последующие события и состояния. Важнее выяснить не то, как и когда в истории возникло новое явление, а то, как оно сохранилось, когда и почему было эволюционно востребовано после длительного латентного присутствия в старой системе. Пытаясь изучить прошлое и настоящее через призму будущего, элевационизм предоставляет шанс управления настоящим из будущего²².

Ключевой составляющей постнеклассической науки является *учение о взаимодействиях и самоорганизации сверхсложных систем*. Зародившись к началу 70-х годов XX столетия в нелинейной неравновесной термодинамике, оно охватило исследование фракталов, теории диссипативных структур, автопоэзиса, детерминированного хаоса, сложности, самоорганизованной критичности, синергетики. По мнению основателя *синергетики* Г. Хакена, она в той или иной мере включает тематику всех этих теорий, а потому может претендовать на то, чтобы дать собственное имя указанному учению²³.

Ассимилируя общие постнеклассические постулаты, синергетика придаёт им свой особый колорит. Так, синергетическая система – это не столько традиционная совокупность взаимосвязанных *элементов*, образующих определённую целостность, сколько сверхсложный набор когерентных, интерактивных *процессов*, проявляющихся во времени в виде глобально устойчивых структур²⁴. По И. Пригожину, синергетика нацелена не на существующее, а на возникающее²⁵. Именно подчёркнутая *процессуальность* сверхсложных систем делает понятным ряд их специфических свойств. Во-первых, это *нелинейность* трёх родов: 1) неоднозначность действия системы, стохастичность, неполная или мягкая детерминированность; 2) диспропорциональность традиционных причины и следствия. В неустойчивом состоянии система может коренным образом изменяться под влиянием едва заметных обстоятельств или оставаться практически неизменной, несмотря на существенные модификации влияющих на неё факторов; 3) способность к самодействию, которая в частности, проявляется в использовании механизмов положительной и отрицательной

Нетрудно вспомнить, как те или иные фигуры, образуемые точками промахов, обозначали наиболее вероятные месторасположение и конфигурацию «вражеского корабля».

²⁰ См.: Степин В.С. Указ. соч. – С. 9.

²¹ См.: Чешков М.А. Указ. соч. – С. 130.

²² См.: Назаретян А.П. Указ. соч. – С. 145.

²³ См.: Синергетике – 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. - № 3. – С. 54.

²⁴ См.: Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // Общественные науки и современность. – 1999. - № 1. – С. 147.

²⁵ См.: Делокаров К.Х. Системная парадигма современной науки и синергетика // Общественные науки и современность. – 2000. - № 6. – С. 111.

обратной связи. Если первые нацелены на регулируруемую хаотизацию порядка, то последние – на компенсацию влияния внешней среды посредством действия в противоположном этому влиянию направлении.

Во-вторых, - *самоорганизация* как центральная составляющая самодействия. По Г. Хакену, система является самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру²¹. Иными словами, содержание и ключевой вектор эволюции системы определяется, прежде всего, её собственной субстанциональной природой, воздействие же внешних факторов является преимущественно второстепенным. Разумеется, возможны и исключения - в этом случае внешние факторы не ускоряют или замедляют внутреннюю самоорганизацию, а коренным образом изменяют её характер. Система либо трансформируется, сохраняя некоторую преемственность со своим прошлым состоянием, либо становится качественно иной. Но она остаётся диссипативной, т.е. рассеивающей энергию вовне.

В-третьих, динамизму самоорганизации системы способствует *генерационность* её процессов и элементов, т.е. естественное изменение их возраста и смена поколений. Их жизненные циклы различны, поэтому для обеспечения устойчивости системы принципиальное значение имеют присущие ей *коэволюционные и когерентные* механизмы. Если первые призваны обеспечивать гармоничное со-движение всех составляющих системы содержательно, в пространстве и во времени, то последние – согласование *временных* параметров указанных составляющих.

Разумеется, было бы преждевременно констатировать доминирование в научном сообществе указанных признаков и черт постнеклассичности, но их приоритетный динамизм несомненен.

О постнеклассичности фундаментальной экономической науки

Постнеклассический вызов принят и фундаментальной экономической наукой. И хотя пока трудно провести чёткую разграничительную линию между её классической, неклассической и постнеклассической составляющими, новаторский революционный дух постнеклассики имманентен претендующим на междисциплинарность «экономико-неэкономическим» дисциплинам – экономической социологии, экологическая экономика, экономическая теория культуры, экономическая теория права и т.п.; набирающим силу течениям экономического и неэкономического «империализма», существенно потеснившим постулаты homo oeconomicus концепциям человеческого, интеллектуального и социального капитала; неоинституциональным разработкам проблем прав собственности, трансакционных издержек, коллективных действий, общественного выбора и др. Указанные прорывы важны не только сами по себе – в силу научной новизны и практической значимости, но и как мощный катализатор размышлений о постнеклассических направлениях и пределах эволюции методологических оснований ФЭН.

Прежде всего, нужно признать факт обогащения и расширения её *объекта*. Конечно, «жестким ядром» последнего остаётся экономика.. Но, во-первых, она должна рассматриваться не столько как способ производства, рынок, народное хозяйство или совокупность взаимодействующих экономических субъектов и объектов, сколько как *сложная_человекообразная система* с действующим в ней не просто экономическим человеком или даже человеком – личностью, а человеком как космо-био-социальным существом, в котором нераздельны сознательное, под- и бессознательное начала. Именно он привносит в экономику неповторимый универсальный институциональный дух. Становится понятным, и это во-вторых, что существование последней возможно только в составе *сверхсложных* человекообразных самоорганизующихся систем – интеграционной

²¹ См.: Синергетике – 30 лет... - С. 53-55.

(человеческое общество) и универсумной²⁶. Демаркационная линия между ними в современных условиях в значительной мере стёрта и потому их гомологичность (общность происхождения и родовых признаков) всё более жёстко задаёт общие императивы движения, законы и закономерности самоорганизации и взаимодействий. Экономико-политическая, экономико-социальная, экономико-духовная, экономико-экологическая области взаимопроникновения универсумных сфер существенно расширяются и вольно или невольно попадают в поле зрения учёных-экономистов. Ещё предстоит осознать, в какой мере эти области являются и должны быть объектом ФЭН. Но, видимо, рано или поздно она обречена стать гражданкой универсума.

С учётом изложенного правомерно предположение, что вместе с homo oeconomicus из ФЭН будет постепенно вытесняться и традиционный экономический субъект. Человек в своём новом статусе не может не объединять в себе обе ипостаси – субъекта и объекта, и в этом смысле вполне оправданной представляется категория «актор». *Актор* – не абстрактный индивид, как член рода, а каждый человек как индивидуальность, каждая ассоциация индивидуальностей. И если возрастающая доля товаров изготавливается по *индивидуальным* заказам, а в экономической деятельности растёт значимость *индивидуальных* качеств людей, то допустима ли недооценка в структуре объекта ФЭН самого актора? Риторический вопрос.

Качественные изменения в экономике, её растущая открытость иным универсумным сферам, в особенности по каналам knowledge economy, предполагает интенсификацию *интерактивного диалога* ФЭН с иными, не-экономическими науками. Судя по масштабам междисциплинарности, экономического и неэкономического империализма, этот процесс набирает силу. Но экзогенные интеграционистские устремления должны коррелировать с *интеграционизмом* эндогенным, который, в свою очередь, должен быть адекватен реальной дифференциации экономического знания. Очевидно, процессы дифференциации и интеграции последовательно-параллельны и взаимоположны. И если современный этап развития экономической науки характеризуется интенсификацией интеграционизма, то в ближайшее время вполне ожидаем всплеск новых обобщающих категорий, идей, гипотез и теорий²⁷.

Корректировка и укрепление внутринаучного статуса ФЭН – необходимая, но не достаточная предпосылка её прогресса в новом столетии. В условиях активизации ненауки в широком смысле и самоидентификации науки как всего лишь одной из составляющих (форм) постижения²⁸ императивной представляется мощная научная экспансия с ассимиляцией в качестве ведомых отдельных элементов ненаучных практик. Имеющийся опыт подобного взаимодействия, одним из результатов которого являются, как известно, каноны здравого смысла, не должен абсолютизироваться, поскольку лимит в сотни лет их кристаллизации и вызревания не может удовлетворить динамичное человечество. Таким

²⁶ В данной главе универсум рассматривается как противоречивое единство человеческого общества и природы; экономической, социальной, духовной, политической и экологической (природной) сфер. На мой взгляд, поистине *новой* является именно *универсумная* экономика, а не известные knowledge или information economy.

²⁷ В ходе одной из научных дискуссий на кафедре политической экономии Национальной металлургической академии Украины доцент Лебедева В.К. высказала предположение, что процесс дифференциации научных знаний является необходимым этапом рождения элементов общего в многообразных особых. На очереди – синтез указанных элементов и поиск обновленного образа общего. На мой взгляд, действительно, история экономической науки XIX-XX веков свидетельствует об индукционно-дедукционном характере её эволюции.

²⁸ См. подробнее: Тарасевич В.М. До стратегії універсумізації економічних перетворень // Економіка України . – 2000. - № 11. – С. 52-53.

образом, с одной стороны, ФЭН не может не принимать в расчёт «Тайную доктрину» Е. Блаватской или

«Человека-невидимку» С. Дали, а с другой, - она не вправе отдавать инициативу сближения искусству, мистике или иным «ненаукам». Следовательно, именно от ФЭН как философии экономических наук вполне ожидаемы соответствующие революционные инновации. Будут ли это процедуры, алгоритмы сближения, сценарии взаимодействия, совместные проекты или иные формы, покажет будущее. Но оно, как известно, наступает не внезапно.

Укрепление универсального статуса экономики, начало самоидентификации ФЭН в системе постижения диктуют перемены в её (ФЭН) предметном пространстве. Хотя его границы по-прежнему очерчены проблематикой богатства, сама она становится всё более открытой и плюралистичной. Наряду с совершенствованием ортодоксальных стоимостного и полезностного предметных направлений, перспективной разработкой неортодоксального социального направления²⁹ активно формируется *синтетическое* направление, непосредственно «ответственное» за внешний и внутренний интеграционизм и экспансию ФЭН. Вероятно, его *первый* предметный уровень оформился в XX веке и представлен синтетическими, комплексными учениями Н. Кондратьева, М. Туган-Барановского, Й. Шумпетера. На мой взгляд, для *второго* уровня характерно сочетание, синтез отдельных составляющих, в том числе базовых, стоимостного полезностного и социального направлений. Примером может служить предметное содержание экономической метапарадигмы³⁰. В современных условиях любая относительно крупная предметная область или проблема является универсумно-синтетичной, а потому должна рассматриваться в контексте не только предметного пространства ФЭН, но и *пространства постижения*. Поэтому перспективы *третьего* предметного уровня связаны с поисками возможностей интеграции предметных проблем и/или элементов научных и ненаучных практик человекознания, и, прежде всего, конечно, знания экономического.

Обогащение и насыщение предметного пространства ФЭН должно сопровождаться соответствующими изменениями её исследовательских методов, приёмов и инструментов. На мой взгляд, в XX веке обозначились те направления соответствующих поисков, которые могут стать ведущими в текущем столетии.

Первое направление связано не только с более полным использованием, развитием, но и пересмотром, ревизией традиционного и привычного метафизического, диалектического и экономико-математического инструментария, о чём уже приходилось писать.³¹ Содержанием *второго* направления поисков является отбор, а также оценка практики и эффективности использования неэкономических - естественно- и общественнонаучных подходов. С одной стороны, чрезмерная увлечённость ими неконструктивна в силу явных различий объектов и предметов исследования. Например, по отношению к биологической эволюции тезис о непреодолимости цели не вызывает серьёзных возражений, поскольку собственно биологическое, не оплодотворённое социальным, не обладает целеполагающим сознанием. Иное дело – эволюция общества, осуществляющаяся в том числе и посредством целесообразной деятельности человека. О непреодолимости цели здесь можно вести речь, вероятно, лишь в случаях преимущественно неосознанных, нецелесообразных действий человека, а также неадекватного целеполагания.

С другой стороны, нужно признать, что последовательное применение указанных подходов позволило пополнить арсенал идей, гипотез и теорий ФЭН. Не секрет, например, что ещё недавно эволюционная экономика была

²⁹ См. подробнее: Тарасевич В.М. Про предмет фундаментальної економічної науки // Економіка України. – 1996. - № 12. – С. 60-67.

³⁰ См. подробнее: Тарасевич В.М. Еволюція економічної теорії та сучасне парадигмальне зрушення // Економіка України. – 1996. - № 12. – С. 51.

³¹ См.: Там же.-С. 53-54.

чуть ли не падчерицей в научном доме. Сегодня же практически не оспаривается её конкурентоспособность даже по отношению к *main stream*. Вероятно, подобный путь ожидает и синергетику. Имеющиеся сомнения в уместности синергетического метода в ФЭН вряд ли обоснованны не только в силу её успешной применимости в таких разнородных отраслях, как пребиотическая эволюция, функционирование биоорганизмов, нейрофизиология, экология (популяционная динамика), социобиология и др.³² История экономических учений последних трёх столетий полна примеров неосознанного и фрагментарного его использования в исследованиях условий реализации общественного продукта, общего рыночного равновесия, рыночного саморегулирования, экономической цикличности, кооперации и т.д. Но то была эпоха классической и неклассической науки, когда синергетический инструментарий только зарождался и не существовал как тотальность. Современная постнеклассическая ситуация является принципиально иной, а потому и проблема применимости предстаёт в новом свете.

Дело в том, что экономика как сложная человекообразная система синергетична во многих аспектах – онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и др. Поскольку же такая универсальная синергетичность в не меньшей мере *внутренне* имманентна самой экономике, чем привнесена в неё извне, постольку и экономическая наука, если она претендует на статус постнеклассической, не может довольствоваться лишь механическим заимствованием синергетического инструментария иных наук. Она должна сформировать собственную синергетическую теорию и методологию³³.

Речь идёт о разработке *экономической синергетики*. Очевидно, *объектом* её изучения является экономика как сложная самоорганизующаяся человекообразная система в контексте эволюции интеграционных и универсальных систем, а *предметом* – законы, закономерности, механизмы и формы экономической самоорганизации и взаимодействий. В категориях предметного пространства фундаментальной экономической науки экономическая синергетика может образовать особую предметную область *синтетического* предметного направления.

Третье направление поисков предполагает выход за традиционные научные границы, разработку и использование интеграционных и универсальных подходов, адекватных *постижению* экономики³⁴. В связи с этим неизбежно активное развитие в текущем столетии теорий интеграционной экономики и *экономической универсумики*. Проблематика последней или *экономики-универсумного знания* требует специального рассмотрения.

О границах научного экономического знания

Ситуация *after*постмодерна или трансмодерна в культуре и постнеклассической рациональности в науке ставит под сомнение ранее незыблемые постулаты, стимулирует едва ли не тотальное переосмысление научного наследия. На этом фоне отнюдь не парадоксальными выглядят вопросы: «В самом деле, а *наукой ли* занимаются ученые-экономисты?», «Изучают ли они *экономику?*», «*Какое* знание и *о чем* они добывают и/или продуцируют?».

Позитивистские, постпозитивистские и современные конструктивистские разработки проблематики демаркации науки и ненауки лишь подчеркивают значимость обоснованных

³² См.: Янч Э. Указ. соч. – С. 151.

³³ Для ФЭН более привычно применение тех или иных теорий, прежде всего, философских, в качестве методов исследования. В то же время немало концепций и теорий обязаны своим рождением и утверждением вполне определённым методам исследования соответствующих объектов.

³⁴ См.: Тарасевич В.М. До стратегії універсумізації економічних перетворень //Економіка України. – 2000. - № 11. – С. 52-53.

отечественными философами и учеными ключевых инвариантов-признаков науки: а) установка на исследование *законов преобразования объектов* и реализующая эту установку *предметность и объективность* научного знания; б) выход науки за рамки предметных структур производства и обыденного опыта и *изучение* ею *объектов относительно независимо от сегодняшних возможностей их производственного освоения*³⁵.

Конкретизация содержания обозначенного «жесткого ядра» научности *по известным элементам научной деятельности* (субъект, объект, средства, процесс, условия, результаты и др.) позволяет получить *систему ее признаков (более «сильных» и более «слабых»)*, как *особого* и относительно обособленного *вида постижения* реальности, отличающих ее от других видов постижения, а именно:

- 1) четкое разграничение *объекта* и *субъекта* познания;
- 2) поиск и определение *объективных законов* движения *объекта* и на этой основе *предвидение* возможного *будущего состояния* объекта и его *изменений*;
- 3) изучение объектов *безотносительно* к их *сиюминутной* актуальности и практической значимости. Указанные объекты могут стать предметом массового практического освоения в *неопределенном будущем*;
- 4) специальная подготовка *субъекта* познания, освоение им элементов и операций научной деятельности, а также ее *этоса* (особых ценностных ориентаций и этических принципов);
- 5) особый *язык*, специальная *аппаратура, техника* и *технология* как особые *средства* научного познания;
- 6) ключевой *продукт* (результат) научной деятельности – *сущностное, новое и истинное знание*;
- 7) формирование *знания о методах* научной деятельности, а в более широком плане – *методологии* научного познания.

Очевидно, перечисленные признаки могут использоваться в качестве *критериев и условий* научности. Допустимо предположить, что ее *мера* определяется совокупной *степенью реализации* этих критериев. Если с помощью последних *протестировать* познавательную деятельность ученых-экономистов, то неизбежными станут сомнения в ее достаточно полной научности. Взять, к примеру, *объект* познания. При молчаливом согласии с не тождественностью объекта науки объекту обыденного опыта, с необходимостью применения для выделения первого *специальных процедур*, весьма распространенным является игнорирование последних. В экономической науке это особенно характерно для столь почитаемых неоклассиками функциональных зависимостей, где в качестве переменных могут выступать и научные, и вненаучные объекты (например, ожидания, «шоки», предпочтения). Философам науки хорошо известен феномен *гипостазированных* объектов, которые, как правило, привносятся в науку из философии, искусства или обыденного сознания. Такие гипостазы могут фигурировать в исследовании и его результатах в качестве идеализаций-репрезентаций реальности, но которые при углубленном анализе оказываются вымышленными, виртуальными (например, монады, эфир, флогистон, идеальный газ). В экономической науке весьма гипостазированы homo oeconomicus, свободная конкуренция, общее рыночное равновесие, абсолютно транспарентная информация и др.

Ученые не без оснований гордятся внушительным содержимым и значительным познавательным потенциалом своего «ящика инструментов» - набора *приемов и методов* познания, хотя ни для кого не секрет, что немалая их часть имеет вненаучное происхождение и природу. Так, *интуиция* как цельное схватывание и видение научной проблемы, возможных вариантов и результатов ее решения, является далеко не только научным феноменом, а обладание ею по праву признается божьим даром. Как известно, именно

³⁵ См.: *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: 1999. С. 34. – Режим доступа: www.philosophy.ru/library/stepin/.

«обаяние исходной интуицией» возможного близкого краха капитализма способствовало интенсификации усилий К. Маркса по завершению I тома «Капитала». Весьма распространенный не только в естественных, но и в общественных науках *аксиоматический* метод изначально опирается не на научное познание, а на тысячелетний практический опыт и здравый смысл. Например, в экономической теории практически недоказуемы аксиомы ординалистского подхода к измерению предельной полезности, аксиоматичен «основной психологический закон» Дж. М. Кейнса, аксиомы «активно участвуют» в экономико-математическом моделировании.

Современные пост- и трансмодернисты ставят под сомнение святая святых науки – *истинное знание*. Так, одни из них подменяют истину правдоподобием, другие – настаивают на ее интерсубъективности, а не объективности, третьи – ее признаками предлагают считать ясность, прозрачность, изящество и убедительность изложения, продуктивность применения³⁶, то есть именно то, что не является ни необходимым, ни достаточным для идентификации истины.

Разумеется, перечень вненаучных вкраплений в научном дискурсе можно было бы продолжить. Но уже перечисленного вполне достаточно для вывода о том, что, исследуя реалии, ученые занимаются не только *наукой*, но и *ненаукой*. Впрочем, стоит ли удивляться, если значительная часть жизнедеятельности ученого-человека весьма далека от науки и оказывает на нее непрерывное и далеко не всегда благоприятное воздействие.

Ненаука в науке: хорошо ли это или плохо? На мой взгляд, если оставить в стороне рассуждения об уровне профессионализма ученого, следует воздержаться от оценочных суждений и для начала констатировать два фундаментальных факта. *Во-первых*, факт сосуществования и взаимопроникновения *двух* самоценных и равноценных на «весах» человеческой жизни интегральных *видов постижения* реальности – науки и ненауки. Исторически первая вышла из лона последней³⁷, продолжает питаться ее живительными соками и сообщает ей не менее значимые импульсы изменений.

Во-вторых, современные ученые-экономисты в своих познавательных усилиях решительно пересекли некогда обозначенные предшественниками границы *объекта* экономической науки. Достаточно взглянуть на проблематику экономического и неэкономического империализма, чтобы убедиться: ученые отнюдь не замыкаются в экономике как материальном производстве в духе А. Смита или способе производства в духе К. Маркса. Они обнаруживают *объект* и предмет *исследования за пределами ортодоксального объекта* – в культуре, политике, демографии и т. д.³⁸ Это закономерно, ибо

³⁶ См.: *Агацци Э.* Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 51.

³⁷ В работах ведущих историков философии и философов науки убедительно доказано существенное влияние христианства и герметизма на становление европейской науки Нового времени. Так, с одной стороны, христианские догматы о боготворении и боговоплощении способствовали преодолению характерного для античной науки разделения всего сущего на естественное и искусственное, а также жесткой грани между небесным и земным мирами, тем самым наделяя человека как образа Божьего статусом творца.

С другой стороны, магико-окультурные течения эпохи Ренессанса с их убежденностью в существовании магических средств очищения от первородного греха изменили общемировоззренческую установку сознания: очистившийся от греховной скверны человек становится вторым Богом, способным исполнить завет, данный ему Богом до изгнания из рая, не только до конца познавать природу, но и магически воздействовать на нее, преобразовывать ее в соответствии со своими интересами и целями (См., например: *Гайденко П.* К проблеме становления новоевропейской науки // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 87, 90 – 91).

³⁸ См. подробнее: *Тарасевич В. Н.* Указ. соч. С. 72 – 74. Гносеологические предпосылки упомянутых видов империализма не трудно обнаружить не только в маргиналистской

природно-экологическая, экономическая, духовная, социальная и политическая сферы универсума, как темпорального пространства жизнедеятельности человека, взаимодействуют и взаимопроникают. Естественно, ученым-экономистам интересна не только экономическая, но и экономико-экологическая, экономико-социальная, экономико-политическая, экономико-духовная сферы, а также их более сложные образования (например, экономико-эколого-социальная).

Итак, исследуя реальность, *ученые выходят за пределы науки и ее объекта*. Эти фундаментальные факты для многих очевидны, а, может быть, и банальны, но далеко не всегда должным образом осмысливаются. В самом деле, так уж часто мы углубляемся и изучаем очевидное, даже если оно невероятно?

О постижении и универсумном знании (необходимое философское отступление)

Осмысление указанных очевидных фактов требует обращения к некоторым философским положениям. Повторимся – темпоральным пространством жизнедеятельности человека³⁹ является универсум. Он выражает философское *все* в его отношении к *человеку*, в том числе отношении *человека* к самому себе, и на *субстанциональном* уровне состоит из двух взаимодействующих сфер: *опредмечивания* и *очеловечивания*⁴⁰.

В сферу опредмечивания, как правило, включают *экономику и экологию*. В сфере очеловечивания в том или ином виде выделяют составляющие: *политическую*, представленную жизнедеятельностью *человека-общества* как целого; *социальную* – жизнедеятельностью и самоорганизацией различных человеческих групп и общностей; *духовную* – собственно саморефлексией *человека*. Таковы *первичные* сферы универсума и жизнедеятельности *человека*. Каждая из них имеет *свое иное*, которое может выступать в различных формах, но является имманентным и «не импортируемым». Например, экономическая сфера вмещает и антиэкономическое, а политическая – антиполитическое.

Одним из результатов столкновения – взаимодействия указанных сфер являются *производные* сферы: экономико-экологическая, экономико-социальная, экономико-политическая, экономико-духовная, экономико-духовно-социальная, экономико-духовно-социально-политическая и так далее до эколого-экономико-социально-духовно-

революции и знаменитом определении предмета экономической науки Л. Роббинса (См.: Розманский И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX - начала XXI века // Вопросы экономики. 2008. № 7. С. 91), но и в марксизме, исторической школе, классическом институционализме, если, разумеется, не ограничивать ФЭН проблематикой и методологией неоклассики. В современных условиях за эти границы выходит и *мейнстрим*, о чем, в частности, свидетельствуют ограниченная рациональность, экспериментальная экономика, теория перспектив, импульсная теория спроса, и *гетеродоксия* с ее интегративными социальной экономикой, экологической экономикой, био- и нейроэкономикой, поведенческой экономикой и эволюционной экономикой (См.: Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики. 2007. № 3. С. 44, 48, 51).

³⁹ Здесь и далее в зависимости от контекста философский термин «человек» обозначает общество как целостность и/или его составляющие (в том числе, отдельного человека) в универсумном контексте.

⁴⁰ См. Тарасевич В. Н. Указ. соч. С. 46 – 60.

политической сферы, которая достигает пределов универсума (см. рис. 1).

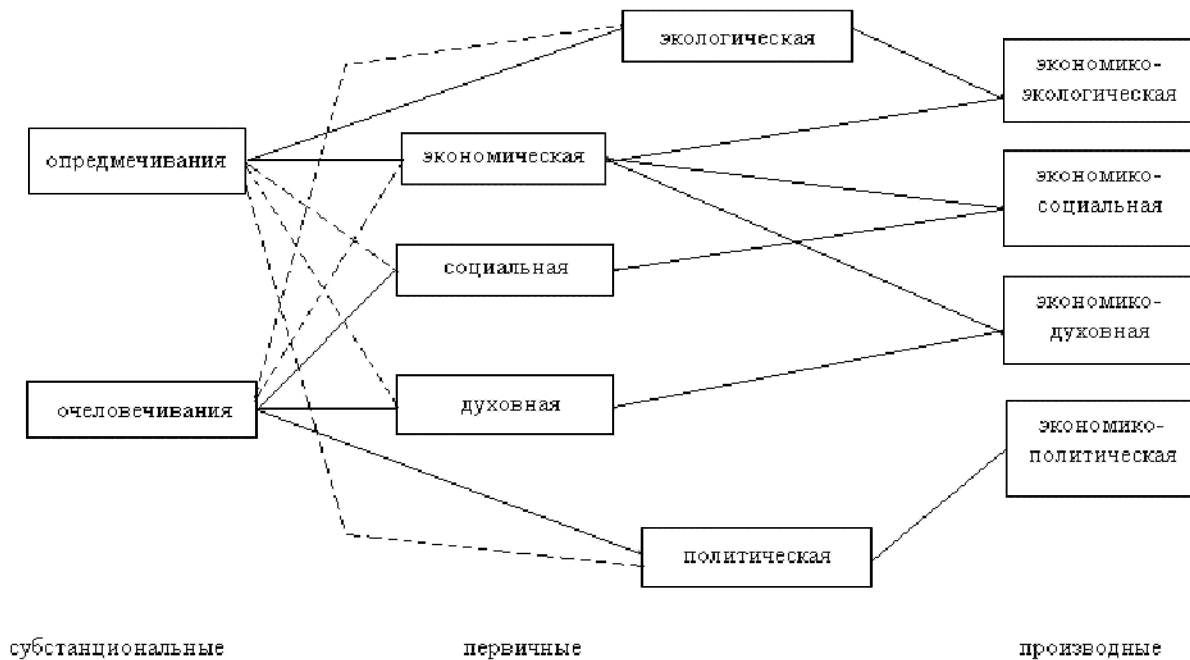

Рис. 1. Сферы жизнедеятельности и универсума

Обозначенный выше *горизонтальный* «срез» универсума, все и каждая из его субстанциональных, первичных и производных сфер пронизаны *вертикальной* «осью», представленной *бессознательным, сознательным и подсознательным* уровнями (началами) человека. Если учесть, что девять десятых человеческой психики определяется *бессознательным*, то целесообразность его учета в научном познании становится очевидной. Бессознательное как *досознательное* является результатом взаимодействия: 1) косной составляющей человека и «внечеловеческого» косного; 2) косной составляющей человека и «внечеловеческого» биологического; 3) биологической составляющей человека и «внечеловеческого» косного; 4) биологической составляющей человека и «внечеловеческого» биологического. Следовательно, *во-первых*, бессознательное, по крайней мере, четырехслойно, причем слои и взаимосвязи между ними – продукт исторической эволюции. *Во-вторых*, типы бессознательных реакций человека определяются, в том числе, отражением человеческим косным и биологическим косного и биологического «внечеловеческого». Речь идет о запечатлении, воспроизведении в первых тех или иных характеристик последних, и, разумеется, такое запечатление является одним из моментов упомянутых выше взаимодействий.

Человеческое *сознательное* произрастает на материальных носителях бессознательного по мере усложнения общественного («надбиологического») и собственно человеческой деятельности. Как и бессознательное, сознательное едино и неоднородно. Его известные слои или уровни – *невербально-генетический, чувственно-эмоциональный и вербально-теоретический* – определяются степенью зрелости общественного в его взаимодействии с человеческим и «внечеловеческим» косным, биологическим и самим собой.

Далее. Даже если ограничиться представленным выше укрупненным строением бессознательного и сознательного, становится очевидным многообразие сочетаний их составляющих. Очевидно и то, что для человека бессознательное появляется только тогда, когда его сознательное обеспечивает осознание досознательного, когда для отдельных осознанных реакций и действий используются бессознательные механизмы, то есть когда сознательное дополняется *подсознательным*.

Точно так же и *человеческое постижение*, как *отражение человеком*, его косной, биологической и общественной составляющими универсума и жизнедеятельности, рождается вместе с человеческим сознанием. Человеческое постижение – суть осознаваемое (хотя не обязательно осознанное) отражение *постигающим* (отражающим) *постигаемого* (отражаемого). Если иметь в виду *активность* постигающего человека и пассивность постигаемого объекта, то *базовые виды постижения* могут быть выделены на основе упомянутых выше слоев бессознательного, уровней сознательного и их возможных сочетаний (см. рис. 2). Например, на ряду с постижением человеческими косным и биологи-

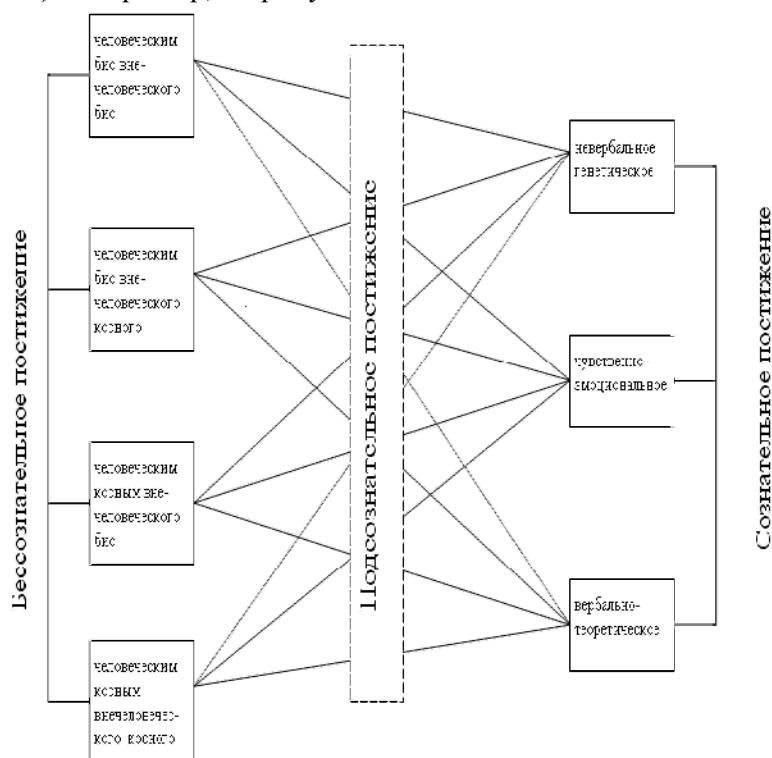

Рис. 2. Базовые виды постижения универсума и жизнедеятельности.

ческим «внечеловеческого» косного и биологического, а также с невербальным, чувственно-эмоциональным и вербально-теоретическим постижением универсума, возможно постижение человеческим косным и биологическим человеческого общественного, а также различные виды бессознательно-подсознательно-сознательного постижения.

На более конкретном уровне анализа последние могут быть представлены (в зависимости от «удельного веса», типа взаимодействий) как философские, медитативные, художественные, народные, мифологические, религиозные и другие⁴¹. Так, в философском постижении сочетаются, прежде всего, вербально-теоретическое и чувственно-эмоциональное, в художественном постижении доминируют чувственно-сознательное и подсознательное, в медитативном – биологическая составляющая бессознательного. Если же учесть, что активность постигающего человека направлена не столько на универсум или жизнедеятельность как целое, сколько на их субстанциональные, первичные и производные сферы (а также элементы последних), то получается своеобразная *сеть постижения*, впечатляющая своей сложностью и неоднозначностью (см. рис.3).

⁴¹ См.: Урманцев Ю. О формах постижения бытия // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 95 – 103.

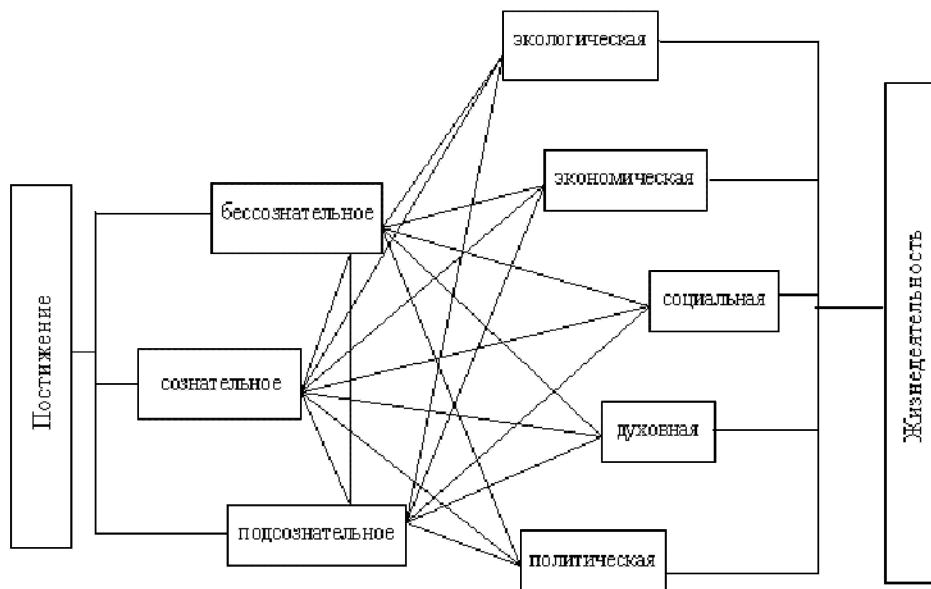

Рис. 3. Сеть постижения жизнедеятельности⁴²

В процессе и результате такого многопланового постижения рождается и взрослеет *универсумное знание (универсумика)* – совокупность вненаучных и научных знаний, учение об универсуме как целостности, его сферах (субстанциональных, первичных и производных), их составляющих, их взаимосвязях, а также о самих знаниях. Юность универсумики – некоторый «простой» набор указанных знаний, структурированных по тому или иному признаку, «выстроенных» по тому или иному «камertonу». Речь идет об известном упорядочении уже имеющихся и полученных вне *собственно* универсумики знаний. Зрелая универсумика призвана продуцировать принципиально новое – собственно универсумное знание, в том числе посредством интеграции и синтеза уже наличного фрагментированного знания. Это – поиск не столько общего и универсального, сколько сложно структурированного тотального, пионерного и прорывного, относящегося к универсуму и жизнедеятельности как целостности. Используя музыкальную аллегорию П. Флоренского, следует подчеркнуть: соотношение видов постижения может быть различным – гомофоничным, полифоничным, симфоничным и т.п. Но, вероятно, природе универсума гораздо ближе гетерофония, которая сродни многоголосию русской народной песни: полная свобода всех голосов, сочинение их друг с другом в противоположность подчинению. «Тут нет раз навсегда закрепленных, неизменных хоровых «партий». При каждом из повторений напева... появляются новые варианты как у запевалы, так и у певцов хора... Единство достигается внутренним взаимопониманием исполнителей, а не внешними рамками»⁴³.

Возвращаясь к «провокационным» вопросам и очевидным фундаментальным фактам, с учетом вышеизложенного следует констатировать: научное *познание* является одним из *видов постижения*, а именно – вербально-теоретическим сознательным постижением; наука обнимает лишь часть универсумики, а научное знание – лишь часть универсумного, связано с ним тысячами нитей и немислимо вне его контекста. Поэтому, исследуя реалии, концентрируясь *непосредственно* на научном познании, добывая знание научное, ученые *опосредованно* (а в известной мере и непосредственно) занимаются постижением универсума и творением *универсумного* знания. В этом смысле они – слуги не только науки, но и

⁴² Строго говоря, на двухмерной плоскости рисунка изображен лишь *фрагмент* сети, ибо сама сеть многомерна.

⁴³ См.: Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. 30 – 31.

универсумики. Точно так же *объект* той или иной науки – лишь часть, одна из сфер универсума, пронизываемая им и его пронизывающая. Следовательно, познавая «свой» объект, ученые постигают универсум. В этом смысле они – граждане Мира. Научное познание и универсумное постижение объединяет *всех* ученых. Что же отличает ученых-экономистов?

О пролегоменах к экунике

Повторимся: любая составляющая универсума объективно связана с каждой иной, а потому не может быть адекватно постигнутой только лишь сама из себя и должна изучаться не изолированно от иных составляющих, а в их контексте и «тексте». Следовательно, не просто возможно и/или необходимо универсумное знание о каждой из составляющих (сфер и их элементов) жизнедеятельности, оно *объективно существует*. Ученым-экономистам повезло быть свидетелями и участниками осознания объективной реальности и эволюции **экономико-универсумного знания** (*экономической универсумики или экуники – в сокращенном варианте*) – универсумного знания об экономике и экономическом знании. Экуника – раздел универсумики, в котором изучается экономическая сфера универсума в богатстве ее связей с ним самим и его составляющими. Для многих экономистов-теоретиков экономико-универсумное знание – область *целинная*, а потому осмелимся лишь на некоторое *предваряющее, разъясняющее введение, пролегомены к экономической универсумике*.

Прежде всего, экуника – суть процесс и результат *постижения* (во всем богатстве его видов) экономики в универсумном контексте, *совокупность научных и вненаучных экономических знаний*. Именно совокупность, а не, к примеру, система, ибо пока доподлинно не известен даже их состав, особенно во вненаучной части, а о *характере* их организации и связей пока можно лишь догадываться.

Важнейшими *объектами* экуники являются: а) субстанциональные универсумные сферы (опредмечивания и очеловечивания); б) экономика, а также образуемые с ее участием в) производные сферы; г) экономический «срез» универсумных уровней. Речь идет об универсумных образованиях: *мега-* (универсум, ноосфера, исторические типы человеческой эволюции, цивилизации), *макро-* (страны и их объединения), *мезо-* (регионы, межотраслевые комплексы, отрасли), *микро-* (предприятия, домашние хозяйства) и *наноуровня* (*человек как индивидуальность*)⁴⁴; д) экономическое знание в целом и его составляющие, в том числе знание экономико-методологическое, экономико-научное, экономико-философское и экономико-универсумное⁴⁵.

Предметное пространство экуники представлено экономико-универсумной составляющей человеческой жизнедеятельности, а предметные области – экономико-экологической, экономико-социальной, экономико-духовной и экономико-политической жизнедеятельностью. Разумеется, указанному пространству был бы наиболее адекватным соответствующим образом адаптированный всеобщий универсумный *метод*. Однако перспективы его появления не менее туманны, чем образ обязанной породить его универсумики. В современных условиях экунические *акторы* могут использовать в зависимости от целей, задач или аспектов постижения весь имеющийся арсенал и научных, и вненаучных методов, подходов, приемов. Подобный образ действий является необходимой предпосылкой постепенного продвижения ко все более общим подходам – *органическим* и *интеграционным*, от симбиотически интеграционных к коэволюционно и синтетически интеграционным. Круг акторов экунического постижения значительно шире, чем научного

⁴⁴ См.: Тарасевич В. Н. Указ. соч. – С. 288 – 406.

⁴⁵ Об особенностях указанных видов экономического знания см. подробнее: Тарасевич В. О философии и методологии фундаментальной экономической науки // Экономическая теория. 2007. № 1. С. 100 – 108.

познания, поскольку включает не только ученых, но и пользователей, носителей знания, в том числе вненаучного.

Универсумный статус экуники «обрекает» ее на роль интегратора и синтезатора соответствующих наук и вненаучных практик с задачей и перспективой получения синергетического, эмерджентного эффекта – *собственно экономико-универсумного знания*, развивающегося на *собственных* основаниях с использованием *собственных* специфических методов и приемов. Можно предположить, что близкими «коллегами» экуники станут универсумики – социальная, духовная, политическая, экологическая. ФЭН и ее составляющие – политическая экономия, экономическая теория, микроэкономика, макроэкономика, международная экономика, институциональная экономика, эволюционная экономика, а также история экономических учений, методология ФЭН и наука о ФЭН – сохраняют свой самостоятельный статус, но могут быть интегрированы экуникой в качестве собственного научного ядра.

Экунические изыскания *экономистов – теоретиков* чрезвычайно важны, по крайней мере, для самоидентификации экономической науки в меняющемся мире, определения возможностей и перспектив *«нового экономического империализма»* - активной экспансии науки во вненаучное пространство и органичной ассимиляции его отдельных вненаучных идей и практик.

Об истинности экономического знания

Как известно, истина – ключевой императив и приоритет экономического *научного познания*. Верно ли это для *экономико-универсумного постижения*? Может ли и должно ли быть истинным экономико-универсумное (экуническое) знание?

О научной истине

Классическая наука Нового времени суть результат и предпосылка осознанного и решительного выделения *человеком* себя из царства природы, наделения себя статусом субъекта - *под-лежащего*, т. е. субстанционального и ведущего, и противопоставления себя природе как бездушному объекту изучения и воздействия, средству удовлетворения многочисленных потребностей. В полном согласии с этой максимой ученый – исследователь дистанцируется от природы, чтобы с позиций вненаходимости открывать ее тайны, а *истинным* признается только *соответствующее* изучаемому объекту *научное знание*. Такой *корреспондентский* (в терминах современной философии науки) *подход к истине* как соответствию знания⁴⁶ объекту⁴⁷ казался тем более убедительным, что фактически наследовал утвердившееся в христианстве признание истинным только такого знания, которое соответствовало Божественному творению и Священному писанию.

В отличие от философов ученые не в полной мере осознали значимость кантианской гносеологической революции. В обращении И. Канта к исследованию зависимости знаний от априорных форм чувственности и рассудка, в пресловутой «вещи в себе» они увидели лишь отказ от поиска истины. Между тем, в учении И. Канта заложен гораздо более глубокий смысл: в поиске истины следует принимать во внимание отношение знания не только к объекту изучения (на чем сконцентрировалась классическая наука), априорным формам

⁴⁶ Здесь и далее имеется в виду знание субъекта, т. е. знание, присущее субъекту.

⁴⁷ «Сильная» версия указанного подхода восходит к Г. Лейбницу и предполагает требование обоснования как истинности всех посылок истинного вывода. Убеждение в ложном утверждении не может быть обоснованным. В современной теории познания эту традицию наследует инфаллибилизм (от infallibility – непогрешимость) (См.: *Лебедев М.* Перспективы современных концепций надежности знания // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 120).

чувственности и рассудка, но и к другим феноменам бытия и мышления⁴⁸. Ученые-экономисты, с одной стороны, восприняли корреспондентский подход к истине, о чем свидетельствуют фундаментальные учения А. Смита и Д. Рикардо, а с другой, - в известном «споре о методе» продемонстрировали возможности выхода за его пределы. По справедливому замечанию О. Ананьина, в центре спора находились вопросы взаимоотношения не столько индукции и дедукции, сколько теории и практики; характера взаимоотношения разных видов знания, их значения для практики⁴⁹. В споре были обозначены, хотя и в неявном виде, по крайней мере, две весьма значимые для будущего фундаментальной экономической науки проблемы: 1) о различных видах истинного экономического знания или об истине различных видов экономического знания; 2) об отношении знания к результатам его практического применения. Впоследствии разработка второй проблемы привела к восприятию экономической наукой *прагматической концепции истины*⁵⁰.

С конца XIX века менее чем за полстолетия революционные перемены охватывают все основные области естествознания. Релятивистская и квантовая теория, квантовая химия, генетика, кибернетика и теория систем знаменуют утверждение *неклассической науки*, ее идеалов и норм. Жестко детерминистские законы уступают приоритеты статистическим закономерностям, развиваются вероятностные представления об объектах познания. В результате отказа от прямолинейного онтологизма утверждается понимание *относительной истинности* теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу *единственно* истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность *нескольких* отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться *момент* объективно *истинного* знания. Императивным становится учет взаимосвязей знаний об объекте и характера средств и операций познания, которые воздействуют на объект и нередко изменяют его⁵¹.

Последнее означает, что в неклассическом естествознании человек по-прежнему противостоит природе, но теперь не только отражает, но и осваивает, изменяет реальность *в процессе* ее познания. Для ученых-экономистов, изучающих природу искусственную, «рукотворную», указанный сдвиг не стал новинкой, а потому и ассимиляция соответствующих ему естественнонаучных норм в науку экономическую не потребовала бы особых усилий, если бы в находившихся в зародышевом состоянии экономико-методологических исследованиях рефлексия над отношением знания не только к познаваемому объекту, но и к иным явлениям и процессам, отвечала быстроте перемен. В научном сообществе не без оснований полагалось, что заметно усложнившаяся к середине XX века экономика как объект познания субъектом, оперирующим преимущественно классическим научным инструментарием, становится для этого субъекта все более неопределенной и непредсказуемой. В научном знании о ней возрастает доля вероятностной

⁴⁸ См.: Левин Г. Современный релятивизм // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 78 – 79.

⁴⁹ См.: Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / [отв. ред. О. И. Ананьин]; Ин-т экономики РАН. М.: Наука, 2008. С. 13 – 14.

⁵⁰ Указанная концепция близка современному фаллибилизму – традиции, идущей от Ч. Пирса, согласно которой истинное знание вовсе не обязательно должно быть обоснованным. Вполне обоснованным может быть и ложное знание. Фаллибилизм востребован в теории познания в той мере, в какой она стремится быть адекватной фактам эпистемической практики (См.: Лебедев М. Указ. соч. С. 120 – 121). «Итак, наши теории практически работают, и это их оправдывает» (См.: Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 11).

⁵¹ См.: Стетин В. У истоков современной философии науки // Вопросы философии. 2004. № 1. С. 8.

составляющей, а относительность его истинности становится очевидной. Использование старого инструментария в исследовании сложного объекта не позволяло выдвинуть такую «большую» теорию, которая бы обеспечила истину классического типа, и обрекало ученых на продуцирование, пусть и относящихся к одной парадигме, но все же локальных теорий и соответствующих им *фрагментов* упомянутой истины.

В поисках более сложного исследовательского инструментария, адекватного уровню сложности объекта познания, ученые-экономисты по примеру коллег естествоиспытателей активизируют рефлексию над *отношением знания к средствам и операциям научной деятельности*. Корреспондентская концепция истины перемещается со сцены за кулисы, а на самой сцене под лучами неопозитивистского прожектора становятся явными не только такие различные компоненты экономического знания, как чистая теория и прикладная экономика (искусство экономики), но и различающиеся критерии их научности⁵². Судя по темпам и характеру экспансии математики в *чистую теорию*, трудно избавиться от мысли, что острота интереса к получению истинного знания при споспешествовании математических методов обратно пропорциональна остроте впечатлений от умопомрачительных экономико-математических конструкций, имеющих мало общего с реальностью.

Прикладной экономике вообще отказывается в праве осознания сущности объекта. Ее главная миссия видится в применении научных знаний для решения практических задач. Теория воспринимается не иначе как инструмент. По М. Фридмену, она нужна не для того, чтобы получить «фотографическое воспроизведение» мира, а для того, чтобы «анализировать» его с помощью «фундаментальной и относительно простой структуры»⁵³. Экономисты-неопозитивисты не отвергают фаллибилизм, *прагматическую концепцию истины* и рефлексируют над *отношением знания к практике*. В этом аспекте они приближаются к марксистам. Но, если первых в диспозиции «знание – практика» интересует, главным образом, практический *результат*, то последние, не отрицая самостоятельную гносеологическую значимость теории, критерием ее истинности признают практическую *деятельность* в широком смысле. Если для первых истинное знание не может не соответствовать эмпирическим фактам, то для последних истинное знание адекватно и сущностным детерминантам этих фактов, а не только поверхностным формам их выражения.

Подобным образом и современный критический (трансцендентальный) реализм видит задачу науки в выявлении и исследовании структур и механизмов, лежащих в основе событий опыта, с помощью инструментария абдукции⁵⁴. Поскольку объективная реальность представлена иерархией трех уровней – реального, действительного и эмпирического, – совпадение теоретических и эмпирических данных может свидетельствовать лишь о корреляции между *наблюдаемыми* эмпирическими данными, а не вскрывать действительные *причины* экономических явлений. Следовательно, тестирование теории на предмет ее истинности лишь на основании указанной корреляции может быть неадекватным⁵⁵. Иными

⁵² См.: *Ананьин О.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 137.

⁵³ См.: *Шлиссер Э.* Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 56. Справедливости ради нужно отметить, что М. Фридмен фактически солидаризируется с корреспондентской концепцией истины, когда на примере закона падения твердых тел показывает, что при определенных допущениях в некоторых рамках исследования эксперимент может подтвердить истинность теории как адекватной интерпретации некоторого класса явлений (Там же. С. 60 – 61).

⁵⁴ См.: *Лоусон Т.* Современная «экономическая теория» в свете реализма // Вопросы экономики. 2006. № 2. С. 86 – 88.

⁵⁵ См.: *Кюнцель С.* Эволюционное моделирование и критический реализм // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 105.

словами, искомая *истина* является не одно-, а *многоуровневой*, не одно-, а *многоэлементной*, не элементарной, а *системной*.

Не завершив полнокровное критическое освоение неклассического наследия, ФЭН на рубеже тысячелетий сталкивается с новыми, *постнеклассическими* вызовами естествознания, которое продолжает определять ключевые направления эволюции научной рациональности. На фоне постулатов неравновесной нелинейной термодинамики и синергетики, теории нестационарной Вселенной, гипотез о «темной» материи и энергии, концепций Большой истории и глобального эволюционизма, а также информационно-коммуникационной революции возведенное ранее здание науки выглядит не современным, а несущие конструкции истины не надежными. Разумеется, ученые-экономисты заняты гораздо более «земными» проблемами, но они не вправе игнорировать такие ключевые гносеологические ориентиры постнеклассики, как «человекообразная» система, общенаучная картина мира, проблемно-ориентированная междисциплинарность, элевационизм, историческая реконструкция и др.

По мнению В. Степина, при изучении «человекообразных» объектов поиск истины связан с их преобразованием, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. Особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия. Объективно истинное объяснение таких объектов предполагает включение в его состав аксиологических факторов, внеучных ценностей общесоциального характера⁵⁶. Научное познание начинает рассматриваться как особая часть жизни общества, детерминируемая общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Соответственно обогащается содержание привычных категорий – «теория», «метод», «истина» и др.⁵⁷ Неожиданно для многих научная истина из небольшого «озера» соответствия знания объекту попадает в бушующий «океан» *соотнесения знания с жизнедеятельностью (универсумом)*.

Постнеклассическая наука – ровесница культурного постмодернизма и его *after* версий, а потому не свободна от их противоречивого влияния. Так, современные *релятивисты*, абсолютизируя известную линию рассуждений Платона («*Каким что является мне, таково оно для меня и есть, а каким тебе – таково для тебя*») и Аристотеля («*Что каждому кажется, то и достоверно*»), в тезисе «anything goes» - «все годится» (П. Фейерабенд)⁵⁸ практически отказываются от объективности истины. В лучшем случае, если следовать *когерентной и консенсусной (конвенционалистской) концепциям истины*⁵⁹, истинное знание становится результатом *договоренности* большинства членов научного сообщества. В худшем случае истина объявляется «изобретением лжеца» (Х. фон Ферстер)⁶⁰.

⁵⁶ На этом фоне становится очевидным, что признание перехода от экономики как крайне сложной «простой системы» к экономике как крайне сложной «сложной системе» предполагает гораздо более глубокие изменения в экономической науке, чем «изучение ограниченно рациональных агентов в условиях недостатка информации» (См.: *Коландер Д. Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 86 – 88*). Отказ от «трех китов» - лишь один из шагов к будущей постнеклассичности экономической науки.

⁵⁷ См.: *Стетин В. У истоков современной философии науки... С. 9–11*.

⁵⁸ См.: *Левин Г. Указ. соч. С. 74*.

⁵⁹ К ним апеллирует Р. Хоксберген, рассуждая о герменевтическом подходе к экономическим исследованиям, как наиболее эффективном, и призывая не чураться диалога между различными научными традициями, а также ценностных суждений и «метафизики» (См.: *Болдырев И. Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 68*).

⁶⁰ См.: *Конструктивизм в эпистемологии... С. 7 – 8*.

Радикальные конструктивисты убеждены в том, что научное знание – вовсе не репрезентация объективной реальности, а субъективная реконструкция; символический проект, симулякр. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира субъекта. Не только человек формирует свой образ реальности, но и его представления и знания формируют его по своему образу и подобию. В оценке такого знания главными критериями становятся полезность, уместность, приемлемость, пригодность и т. п.⁶¹ Классическое понимание истины в этом случае выглядит по меньшей мере не уместным. Пытаясь вершить судьбами творимых им виртуальных миров, субъект не замечает самопревращения в объект манипулирования со стороны виртуальных сетей и их авторов. Впрочем, за столь оригинальными постмодернистскими построениями важно не упустить значимое для понимания эволюции истины как категории обстоятельство: соотнесение знания не с объектом, но с самим *субъектом*, а также *межсубъектными взаимодействиями*.

Экономическая наука не осталась безучастной к постнеклассическим вызовам⁶². Подверглась она и атакам постмодернизма. Их влияние на проблематику истины оказалось весьма неоднозначным. С одной стороны, у Д. Макклоски и А. Кламера экономическая наука – прежде всего риторика, искусство убеждать пользователя в истинности и пригодности для него той или иной научной идеи. На свободном рынке идей ученые соревнуются в умении продать свой «товар». Таким образом преодолеваются тоталитарные методологические стандарты, позволяющие узурпировать истину⁶³. С другой стороны, риторический, языковой и методологический «фильтры»⁶⁴ позволяют в той или иной форме соотносить отношение знания к объекту и отношения знания к пользователю, а также к языку научного общения. С одной стороны, в постмодернистском восприятии экономическая наука предстает весьма сложным социальным организмом, в котором главными персонажами являются не только ученые, но и редакторы, рецензенты, академические боссы, грантодатели, а потому и бескорыстное служение абстрактной истине является отнюдь не единственным и не главным приоритетом научной деятельности⁶⁵. С другой стороны, анализ структуры и особенностей функционирования этого организма, условий создания и распространения научных знаний, способов их существования⁶⁶ стимулирует осмысление *социальной «анатомии» истины, отношения знания к социальным сетям*.

Об общей (цельной) истине

Итак, историческая ретроспектива рефлексии над истиной убеждает не столько в наличии крайних позиций – приверженность ортодоксальной истине и отрицание истинного знания вообще, – сколько в усиливающейся «средней» линии. Речь идет о понимании истины как соответствия знания объекту, «встроенному» в усложняющийся контекст. Составляющими последнего последовательно-параллельно становятся *отношения знания к*: результатам его практического применения; средствам, инструментам и результатам познавательной деятельности; к практике; вненаучным ценностям общесоциального характера; мировоззренческим установкам; самому субъекту; межсубъектным

⁶¹ Там же. С. 35.

⁶² См.: *Тарасевич В.* Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке... С. 113 – 117.

⁶³ См.: *Ананьин О.* Экономическая наука в зеркале методологии... С. 139; *Болдырев И.* Указ. соч. С. 65 – 66.

⁶⁴ См.: *Ананьин О. И.* Экономика как искусство... С. 32 – 39.

⁶⁵ См.: *Ананьин О.* Экономическая наука в зеркале методологии... С. 142; *Блауг М.* Тревожные процессы в современной экономической теории // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: материалы теоретического семинара ИМЭМО / Рук. В. А. Мартынов. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С. 65.

⁶⁶ См.: *Болдырев И.* Указ. соч. С. 73.

взаимодействиям; пользователю; языку научного общения; социальным сетям и др.⁶⁷ Соответственно многофакторный анализ истины⁶⁸ становится предпочтительнее однофакторного, хотя и он вряд ли вполне адекватен сложности проблемы. Его стандартная версия не предполагает сколько-нибудь сложной взаимозависимости факторов, тогда как именно соотношение отношения знания к объекту и иных отношений «знания к...» имеет принципиальное значение для осмысления природы истины.

Дело осложняется тем, что сверхсложные «человекоразмерные» объекты *познания* являются еще и объектами *постижения*. В каждом из видов вненаучного знания об этих объектах и их «окружении» (субъект, условия, результаты функционирования и т. д.) наличествует особый стандарт достоверности, правды и иных «аналогов» истины⁶⁹. Ни один из видов знания не обладает монополией на истину в том смысле, что в определенном интервале⁷⁰, при определенных условиях и предпосылках один вид знания может быть более истинным, чем любой иной. Например, не секрет, что в определенной экономической ситуации следование стандартам просвещенного здравого смысла и интуиции в большей мере отвечает уровню ее сложности, чем специальные научные изыскания. Нужно учитывать и усиливающуюся «сайентизацию» вненаучного знания. Так, современные дискуссии ученых и теологов свидетельствуют об активном развитии известной со времен Аквината доктрины «двойной истины», умелом встраивании в теологию инструментария, категориального аппарата и результатов научных исследований⁷¹. Все более уважительные реверансы науке делают художественное творчество, герметизм, медитация⁷². Плодотворно ли взаимоисключение различных видов знаний об одном и том же объекте на том лишь основании, что эти знания родились в ином «цехе»? Риторический вопрос.

Таким образом, в современных взаимодействиях и взаимопроникновении различных видов научного и вненаучного знания, в том числе экономического, истина отнюдь не умирает, а взрослеет и усложняется. Весьма актуальной становится пророческая мысль Питирима Сорокина: «В трехмерном пространстве веры, разума и чувств *общая* истина ближе к абсолютной, чем истина, рожденная одной из этих форм»⁷³ [курсив мой – В. Т.]. N-мерному сверхсложному экономическому «человекоразмерному» темпоральному пространству адекватна не гомофония, а поли-, гетеро- и симфония различных видов постижения, не одномерная, а N-мерная *цельная (общая) истина*, к вершинам которой ведут многие и многие тропы. Цельная истина предстает как N-мерное соответствие экономико-универсального знания указанному темпоральному пространству (объекту) в его (соответствия) соотносительности с человеческой жизнедеятельностью, ее сферами и элементами. «Внутренний мир», строение таким образом понимаемой истины в первом

⁶⁷ В категориях теории познания перечисленное свидетельствует о включении в научную рефлексию над истиной наряду с инфантилизмом и фаллибилизмом интернализма, экстернализма и релейабиллизма (См.: *Лебедев М.* Указ. соч. С. 124 – 126).

⁶⁸ См.: *Левин Г.* Указ. соч. С. 78 – 79.

⁶⁹ К. Леви-Стросс: «Может быть, в один прекрасный день мы поймем, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в научном» (Цитата по: *Каз М.* Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? // *Вопросы философии.* 2009. № 4. С. 33).

⁷⁰ См. подробнее: *Лазарев Ф., Лебедев С.* Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // *Вопросы философии.* 2005. № 10. С. 101 – 105.

⁷¹ См. например: *Левин Г.* Методологические принципы диалога материалистов с верующими // *Вопросы философии.* 2008. № 10. С. 78 – 90; *Шахов М.* Реализм как общая основа религиозного и научного знания. Там же. С. 66 – 77.

⁷² Вероятно, этому способствует и известная близость ряда позиций некоторых школ буддизма к современному конструктивизму (См.: *Петренко В., Кучеренко В.* Медитация как форма непосредственного познания // *Вопросы философии.* 2008. № 8. С. 92 – 93).

⁷³ *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 478.

приближении может быть представлено тремя взаимосвязанными составляющими: научной, вненаучной и синтетической.

Научная составляющая цельной истины является сложной системой соотнесенностей, с одной стороны, отношений научного экономического знания к объекту, и, с другой стороны, отношений знания к субъекту, условиям, процессу, результату и т. д. научной и практической экономической деятельности, а также отношений экономического знания к самому себе⁷⁴. Например, экономико-математическая модель значима в том случае, если является особым знанием об определенном экономическом объекте. Мера ее соответствия последнему зависит от самого автора-исследователя, его профессионализма, целей, положения в научном сообществе и т. п., условий, процесса, инструментария моделирования, предназначения модели и многих других факторов. Так, несовершенство математического инструментария не позволяет адекватно моделировать достаточно сложные экономические объекты (что, кстати, способствует фрагментации экономического знания). Степень соответствия модели объекту пропорциональна уровню соответствия ее инструментария его сложности. Не редко указанные факторы учитываются в аспекте преимущественной иерархической подчиненности одному-двум второстепенным факторам (например, требованиям к публикации в престижном журнале и/или к получению гранта), а не научно императивной сетевой соотнесенности между собой.

Элементами *вненаучной* составляющей цельной истины могут быть соотнесенности отношений 1) вненаучных экономических знаний к различным феноменам соответствующего вида постижения и отражаемой им реальности в универсальном контексте; 2) вненаучного знания к самому себе и к знаниям – результатам иных видов постижения. Так, правдивость изображения экономических реалий в художественном произведении в значительной мере определяется особенностями самовыражения автора, личным опытом экономической деятельности, его практичностью, здравым смыслом, вероисповеданием, социальным положением и другими факторами. В достаточной ли мере подобные факторы учитываются в поисках истины?

Синтетическая составляющая цельной истины представляет сочетания и синергию научной и вненаучной составляющих. Количество таких сочетаний не поддается краткому описанию, поскольку должны быть соотнесены различные отношения многих видов постижения и познания как между собой⁷⁵, так и с их отношениями к многочисленным феноменам человеческой жизнедеятельности. Один из возможных вариантов такого сочетания может быть изучен с использованием предложенного О. Ананьиным эшелонирования экономического знания по критериям меры абстрактности и механизмов функционирования. Речь идет об эшелонах (уровнях): 1) абстрактной теории; 2) базового типологического знания; 3) системной экономической компаративистики; 4) прикладного стратегического знания; 5) прикладного оперативного знания или экономической инженерии. На каждом из таких уровней, по мере возрастания конкретности экономического знания и приближения его к сфере практического использования, оно вступает во все более широкий круг социальных взаимодействий, без учета которых оно утрачивает смысл⁷⁶.

С позиций *корреспондентской* концепции научной истины претензии на последнюю в трех верхних эшелонах экономического знания снимаются сами собой, ибо научное знание здесь попадает в водоворот вненаучного и теряет потребную часть своей идентичности. С позиций концепции *цельной (общей) истины* именно на этих уровнях происходит

⁷⁴ Соотнесение различных отношений знания к самому себе составляет проблематику истории экономических учений, экономической методологии, а также науки об экономической науке (в том числе, науки о ФЭН).

⁷⁵ Если в экономической методологии соотнесение отношений научного и вненаучного знания лишь намечается, то в философии экономической науки и в экунике оно становится главной проблемой.

⁷⁶ См.: *Ананьин О. И. Экономика как искусство...* С. 250 – 253.

столкновение и взаимодействие видимых, поверхностных форм научных и вненаучных элементов цельной истины. Но, чтобы эта видимая, «надводная» часть «айсберга» последней была адекватно идентифицирована, необходима N-сторонняя диагностика его невидимой, «подводной» части. Элементы *научной* истины, добываемой на двух нижних уровнях экономического знания, должны быть *синтезированы* с соответствующими элементами истинного *вненаучного* знания. Более того. Сверхсложная «человекообразная» система не может быть на одном уровне только экономической, а на другом – только социальной или политической. Взаимодействие экономической, экологической, социальной, духовной и политической ипостасей формируют ее на всех уровнях точно так же, как бессознательное, сознательное и подсознательное составляют неотъемлемую среду всех уровней научного познания. Следовательно, весьма вероятно наличие вненаучных и научных элементов цельной истины на всех уровнях экономического знания, и сама она в таком случае является результатом и синергией синтеза указанных элементов. Так что у экуники нет выбора: ее призвание – поиск цельной истины.

Разумеется, подобные амбиции не без оснований могут быть признаны утопичными. В этом нет ничего удивительного, поскольку при современном уровне развития экономико-универсумного знания и его саморефлексии достижение цельной истины невозможно. Но даже принципиальная непреодолимость этой утопичности и невозможности отнюдь не является основанием для забвения самой идеи экономико-универсумного знания и его истинности⁷⁷. Невозможность абсолютной истины в науке не охлаждает пыл ученых, ищущих относительную научную истину. Поэтому на современном этапе развития экономико-универсумного знания нужно воспользоваться опытом науки и научиться определять *меру и относительность цельной истины*, жесткие условия, предпосылки и границы, в которых экономико-универсумное знание соответствует той или иной области сверхсложного «человекообразного» объекта. Сейчас трудно прогнозировать *будущее* экономико-универсумного знания и экуники. Ясно одно, - постнеклассическое темпоральное пространство ФЭН универсумно, утверждается *парадигма универсумного экономического знания*, а потому задачи самоидентификации и прогресса ФЭН становятся во сто крат сложнее.

УДК 330. 82

© Тарасевич В.Н., 2012

⁷⁷ В частности, умножение экономико-универсумного знания обогащает «ученое неведение» (Н. Кузанский) или знающее незнание, которое и есть высший модус истины, доступный человеческому существу (См.: *Далмайр Ф.* Николай Кузанский о вере, знании и ученом незнании // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 38).